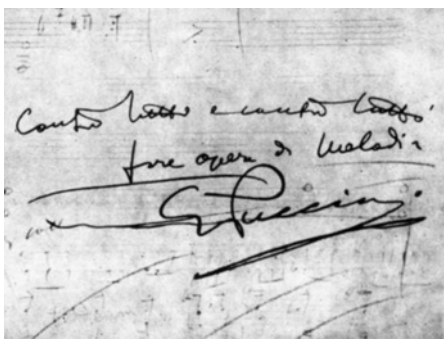
Аксаковский ДОМ

№ 8 Издается с декабря 2010 года

ГАЗЕТА БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА

8 и 9 декабря – большая премьера!

Италия. Тоскана. Лука. Джакомо Пуччини в своем доме.



«Вопреки всему и всем - создавать оперу из мелодий».

Автограф Дж. Пуччини.

«Тоска», возможно, самая итальянская, «римская» опера Пуччини. В ней не только филигранно выписанные национальные персонажи. По ее страницам можно зримо совершить прогулку по улицам Рима, так же, как и в «Пиковой даме» Чайковского – по Петербургу. Для человека культурного на этом пути, несомненно, Музыка - верная спутница.

Для оперного театра Уфы постановка «Тоски» – событие. Это и показ возможностей труппы, и обогащение репертуара и, конечно, интерес публики. Мы надеемся, что зрители получат на представлениях оперы истинное эстетическое наслаждение, а сам спектакль обретет долгую творческую жизнь.

Андрей АНИХАНОВ.

См. интервью на стр. 2.

После долгого перерыва на уфимскую сцену возвращается опера Джакомо Пуччини «Тоска»

«Тоска» - одна из ярчайших опер мирового наследия, по сей день пользуется необыкновенной популярностью и исполняется на лучших сценических площадках крупнейших театров мира. Уфимский спектакль готовит команда именитых постановщиков. Музыкальный руководитель и дирижер-постановщик - заслуженный артист России лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области литературы и искусства **Андрей АНИХАНОВ** (Санкт-Петербург), режиссер-постановщик – лауреат Государственной премии Республики Татарстан им. Г. Тукая Михаил **ПАНДЖАВИДЗЕ** (Москва–Минск), художник-постановщик – **Александр КОСТЮЧЕНКО** (Минск), художник по костюмам – **Юлия ВАЩЕНКО** (Минск), хормейстер-постановщик – заслуженный деятель искусств России и Башкортостана, народная артистка Башкортостана профессор **Эльвира ГАЙФУЛЛИНА**, художник по свету – **Сергей ШЕВЧЕНКО** (Москва), художник по компьютерной графике – **Павел СУВОРОВ** (Москва).

Музыка Пуччини – это музыка души. Композитор не был проповедником, ориентированным на социальную проблематику, он индивидуалист: ему интересна жизнь конкретного человека, его внутренний мир вне зависимости от социально-политического антуража. Важнейшей темой музыки Пуччини становится мир женской души и природа любви: её рождение и закат, её созидательная и разрушительная сила. Вместе с тем психологическая сложность коллизий позволяет говорить о глубочайшем психологизме его музыки.

Пуччини принадлежат выдающиеся слова, ставшие его художническим кредо: «Есть три основных закона у театра: заинтересовать, поразить и растрогать». Недаром героиня Барбары Стрейзанд скажет в фильме «У зеркала два лица»: «Когда мы влюбляемся, мы слышим музыку Пуччини»! Необъяснимая современность и драматический психологизм его музыки восхищают: в большинстве голливудских фильмов «про любовь» используется либо собственно музыка Пуччини, либо музыка «по мотивам Пуччини».

«Тоска» - опера ярких красок, столкновений и страстей. В основе сюжета - реальные события, происходившие в 1800 году в Риме в дни победы Наполеона под Маренго. На фоне блеска церковных ритуалов, мрака тягостных допросов и потайных пыточных камер, ложной надежды на рассвет Рима разворачивается трагедия. Известная оперная певица Флория Тоска пытается спасти от расстрела своего возлюбленного - художника Марио Каварадосси, который осужден за сокрытие политического повстанца Анджелотти. Вероломный начальник полиции Скарпиа предлагает Тоске выгодную сделку в обмен на ее любовь…

Опера «Тоска» трижды ставилась в Башкирском театре: 1948, 1952 и 1965 годах. В спектаклях блистали легенды уфимской сцены: Мария Бриткова, Елена Ландау, Петр Кукотов, Михаил Труевцев, Магафур Хисматуллин, Мидхат Галеев, Олег Полянский и другие.

В нынешней премьере участвуют ведущие солисты оперной труппы, хор, Детская оперная студия и симфонический оркестр театра.

Подарком зрителям станут выступления 8 декабря солистов Большого театра, а также Большого театра Республики Беларусь.

Я далек от того, чтобы выступать адвокатом Тоски. Главная героиня - вольно или невольно – но в основном под влиянием своих страстей, амбиций становится предателем и убийцей. Капризы и ревность, подозрительность и взбалмошность - весь этот чудовищный «коктейль» создает ситуацию, когда Тоска сеет вокруг себя смерть. Из-за нее погибают и Анджелотти, и ее любимый – Каварадосси, которых она, по сути, предает. Она собственноручно убивает Скарпиа. В итоге Флория кончает жизнь самоубийством, нарушая еще одну из библейских заповедей. Каварадосси же совершает духовный подвиг, идя на смертные муки ради принципов.

Михаил ПАНДЖАВИДЗЕ.

См. интервью на стр. 3

Слово – дирижеру

Андрей АНИХАНОВ: «Любимый театр тот, где сейчас работаешь»

Музыкальным руководителем уфимской версии «Тоски» стал дирижер из Санкт-Петербурга заслуженный артист России Андрей АНИХАНОВ. Почти двадцать лет он отдал служению Государственному театру оперы и балета имени М.П. Мусоргского, сотрудничает со многими музыкальными коллективами России, оперными театрами и оркестрами Японии, Италии, Франции, Литвы, Эстонии, Азербайджана, Казахстана. Андрей Анатольевич много гастролирует, участвует в различных музыкальных фестивалях.

Теперь маэстро в Уфе.

- Андрей Анатольевич, у вас очень насыщенная гастрольная жизнь. Как удается в такой гонке быстро находить общий язык с новым коллективом?

- Моя гастрольная жизнь еще не самая загруженная. Есть люди, которые даже опомниться не успевают. Свой график планирую тщательно, чтобы быть надежным. Я с 24 лет работал в стационарном театре, рано научился дисциплине и самоорганизации: четкость в работе, строгое распределение времени, ясное понимание цели и путей ее достижения. Что касается новых коллективов… Нужно увидеть людей, понять их возможности, особенности. Конечно, музыка – искусство универсальное. Но в каждом коллективе разные традиции, разный уровень подготовки музыкантов и певцов. Всех нужно объединить общей идеей.

- Вы цените не только свое время, но и зрительское…

- Конечно, у них, как и у нас, одна жизнь. И те три часа, что длится спектакль, можно посвятить разным занятиям. Пойти в музей, в концерт, в ресторан, почитать книгу, просто побыть дома с родными, с друзьями. Жизнь обмену и возврату не подлежит, как принято сейчас говорить. У людей есть выбор, чем время свое занять. Поэтому важно, чтобы они не ушли из театра разочарованными. В идеале, пусть это станет ярким впечатлением, настоящим событием. Музыка – как птица феникс. Она, конечно, не возрождается из пепла, но она все же сиюминутна. Звуки возникают и исчезают, и не прозвучат так больше никогда. Можно бесконечно обращаться к любимой картине или созерцать прекрасный собор, построенный несколько веков назад. А музыка – это временное искусство, прозвучав, она остается в душе или не остается.

- Каким образом налаживаете контакт с оркестрантами, певцами?

- Все музыканты – коллеги. Важно создать комфортную рабочую атмосферу, проявить искреннюю симпатию к тем людям, с которыми ты должен начать эту непростую работу. Мы должны действовать в душевном единении – в этом смысл творческого коллективного труда. «Коллектив» когда-то было популярное понятие, теперь не всегда в чести. И напрасно, потому что театр – это творческий коллектив, важно, чтобы всех объединяла одна идея. Например, сейчас – сделать премьеру. Если этого нет, работать будет трудно. Я часто бываю в Японии. У японцев можно поучиться мудрому сосуществованию. Даже на бытовом уровне: никто не позволит себе разговаривать в метро по мобильному телефону, если все будут одновременно говорить – это будет ужасно. То же и в коллективе – внимание, уважение, стремление услышать, совпасть по строю, по ансамблю, по убеждениям…

- Опера «Тоска» давно в вашем репертуаре, а постановочный опыт был?

- Да, мы ставили в Михайловском театре. Правда, довольно давно. Хороший был спектакль, успешный, возили его на гастроли… Опера сложная, яркая – настоящее испытание для театра. Здесь должен быть «костяк» крепких артистов, которые обладают хорошими драматическими данными и, конечно, вокально соответствуют партиям. Любопытно, даже маленькие роли интересно выписаны. В своей книге «Мир итальянской оперы» Тито Гобби так подробно разбирает всех персонажей, что понимаешь: маленьких ролей нет. Важен каждый персонаж: Тюремщик, Ризничий, помощник начальника полиции… Как и в русской опере – Юродивый в «Борисе Годунове», Кузька из «Хованщины»… Важно, чтобы артисты, занятые в этих партиях, переступили через привычный стереотип отношения к «маленьким» ролям и создали яркие образы.

- «Тоска» вызывает у вас какие-то личные ассоциации?

- За последние полтора года я четыре раза работал в Римской Опере. Как известно, «Тоска» - «римская» опера. Куда бы ты ни пошел, она всегда с тобой, звучит внутри. И каждый раз невольно пытаешься выйти на маршруты героев оперы. А там все рядом: замок Сант-Анджело, в пятнадцати минутах ходьбы находится церковь Сант-Андреа делла Валле, чуть дальше – Палаццо Фарнезе. Самая отдаленная точка – театр, откуда могла идти Флория… Это захватывает!

- Как складываются ваши отношения с режиссерами?

- Всякое случалось. Один раз я даже отказался от участия в спектакле. Там была совершенно перевернутая трактовка: наркотики и прочая спекуляция на современности… Все это было невозможно соединить с музыкой Верди. Увы, не все постановщики могут наравне с авторами придумать новый сюжет. Между прочим, авторство никто не отменял. Да, сейчас мы активно боремся с контрафактной продукцией, бульдозерами давим «пиратские» диски. Но допускаем вольное отношение к тому, что было создано до нас гениями. Тем более подрастает новое поколение, которое должно знать оригинальную версию произведений. Как им объяснить, что они видят не то, что слышат, а слышат не то, что написано в тексте. Не хочу сказать, что я ретроград, но я считаю – театр должен существовать в двух ипостасях: как классический академический, чтобы люди могли приобщаться к культуре, к историческому подходу к ней. И как экспериментальный, для этого есть свои площадки, можно много интересного и качественного придумать в рамках существующей идеи. С Михаилом Панджавидзе я впервые сотрудничаю, но мне знакомы его работы. Он достойный профессионал. Отрадно, что наконец-то встретился с ним. Наш спектакль традиционный по сути, но с оригинальным оформлением. Публика увидит те характеры, которые были задуманы композитором.

- Вы приемлете купюры в музыкальном первоисточнике?

- Мы ставим без купюр, следуем по партитуре. Все будет, как у Пуччини. У него сквозная драматургия. Сокращения чаще бывают там, где есть номерная структура или куплетная форма. Например, у Доницетти, Россини, даже у Верди иногда можно что-то исключить. В «Тоске» такого нет. Вообще в опере случается меньше разного рода перестановок по сравнению с опереттой. В балете очень распространен принцип вставных номеров. Например, нет ни одного «Лебединого озера» одинакового. Всегда что-то меняется в мизансценах, последовательности номеров, не говорю уже о хореографии. Ее нигде не записывают. Стилистические вещи, традиции передаются из поколения в поколение от педагога к ученику. А музыка – очень точное искусство. Есть партитура, где все фиксируется. Это наш паспорт, наша библия.

-Поделитесь своими впечатлениями от Уфы…

- Из-за плотного графика репетиций нет возможности посмотреть город, надеюсь, время выдастся. Я сейчас много езжу по разным городам России и меня радует то, что вижу. Казань, Ростов, Уфа, Новосибирск, Красноярск: везде встречаю людей – хранителей культуры. Размывается понятие «периферия», противостояние «провинция – столица» уходит. У театров есть возможность приглашать разных режиссеров, певцов, дирижеров, деятелей балетного искусства – все это расширяет рамки. Теперь вся Россия – большая яркая палитра. Правда, хотелось бы видеть и чувствовать больше поддержки правительства.

- У вас есть любимый театр?

- Раз уж ты приехал в какой-то театр, то он должен стать любимым на тот момент, пока ты там. Если не будешь испытывать состояние влюбленности, то ничего хорошего не выйдет. Люди не начнут раскрывать свой потенциал ни человеческий, ни художественный – то, с чего мы начали нашу беседу. Будем надеяться, что наш спектакль удастся и публика получит эмоциональный заряд от музыки, от драматического действия. «Тоска», если говорить языком современным, – политический детектив. Серьезная опера во все века не обходилась без убийств, предательств, но музыка обладает удивительным качеством: она облагораживает, создает эмоциональный накал в человеке, поднимает преступление на небывалую нравственную высоту. Герои гибнут во имя любви, идеалов. Если зритель оторвется от бесконечного примитивного телевизионного сериала, придет в театр, увидит спектакль, удивится или озадачится, наша работа не пройдет впустую. Я бы призвал людей ходить в оперный театр. Это интересно. Это истинное богатство души!

Беседовала Валентина АЙШПОР.

Слово – режиссеру

Михаил ПАНДЖАВИДЗЕ: «Я обвиняю Тоску!»

– Вы говорите какими-то клише! – бушевал Панджавидзе. – Минск – это, по-вашему, деспотия, западная Европа – безусловная демократия, «советский» – это плохой, Тоска – «прекрасная любящая женщина»! Все это клише и штампы, а я предпочитаю штамповке ручную работу. И мое дело – развенчивать эти клише, невзирая на авторитеты и чьи-то мнения!

Главный режиссер Минского Большого академического театра оперы и балета Михаил ПАНДЖАВИДЗЕ, приехавший в Уфу вместе с дирижером Андреем Аниховым и художником Александром Костюченко, чтобы ставить новый оперный спектакль, основательно «заточен» под несогласие. Действовать и рассуждать «от противного» – похоже, это его метод и принцип, неудобный для журналистов, но, безусловно, привлекательный для артистов. На этом – обмане ожиданий, разрушении стереотипов в понимании героев, ситуаций и смыслов – держится, как видно, «синдром Панджавидзе» на репетициях оперы «Тоска» Дж. Пуччини. Его способность будоражить воображение и бросать шокирующие фразы, накаляя обстановку и напрочь исключая саму вероятность безразличия….

- Михаил Александрович, вы первый раз в нашем театре. Какие у вас впечатления от репетиций? Вы считаете, что театр готов к такой сложной работе, как «Тоска»?

- Почему нет? «Тоска», по сути, камерная опера, не требующая какой-то невероятной машинерии и трудоемких постановочных эффектов. Смена декораций – минимальная. Сложность тут в том, что эту оперу с драматургически превосходным либретто и трудной партитурой невозможно просто спеть, даже имея лучшие в мире голоса. Станиславский не зря называл Пуччини композитором-режиссером. От артистов потребуется глубокая актерская органика, правдивое существование внутри музыки и параллельно с ней, иначе это будет очень скучно. Так вот – я наблюдаю этот актерский потенциал в уфимской труппе, и мне интересно с ней работать.

- Тоска – один из самых нетипичных женских образов в музыкальном театре. По драматической силе и неоднозначности равных ей не много в оперной литературе. В вашем спектакле Тоска заслуживает любви? Вы обвиняете или оправдываете ее?

- А за что ее любить? Взбалмошная, капризная особа, которая ослеплена собой, чувством своей значимости и превосходства над людьми, а при этом совершает одно преступление за другим. Предательство, убийство, самоубийство… Да, она «прекрасная любящая женщина», но ведь и Мефистофель не черт козлоногий, и он пускает в ход искушение и соблазн…

- Вы работали в одной постановочной команде с такими великими дирижерами, как Плетнев и Гергиев… Не сложно ли было претворять свои режиссерские замыслы в работе с ними? Как в таких случаях решается вопрос творческого лидерства?

- Никак не решается, поскольку такой вопрос там просто не возникает. Кто может быть лидером рядом с Валерием Абессаловичем? Гергиев – титан, у которого можно учиться не только художественной выразительности, но и умению существовать в заданных условиях. Оставаясь демократом до мозга костей, он никогда не переступает ту черту в отношениях с государством, за которой горит красная лампочка. Потому что нельзя рубить сук, на котором сидишь. Государство – не самое лучшее изобретение человечества, но среди нас, либералов, образно говоря, полицейский начальник Скарпиа – необходимое звено, организующий фактор, без которого случилась бы анархия и разрушение всех христианских заповедей. Так что как бы мы ни относились к Скарпиа, без него никак не обойтись.

- Как вы относитесь к пресловутой «актуализации» классики? Ваша недавняя казанская постановка «Лючии ди Ламмермур», номинированная на «Золотую маску», доказывает, что вы, во всяком случае, не отрицаете подобных постановочных решений. Но вот в своих интервью довольно резко высказываетесь об оперном экспериментаторе номер один в России – Дмитрии Чернякове…

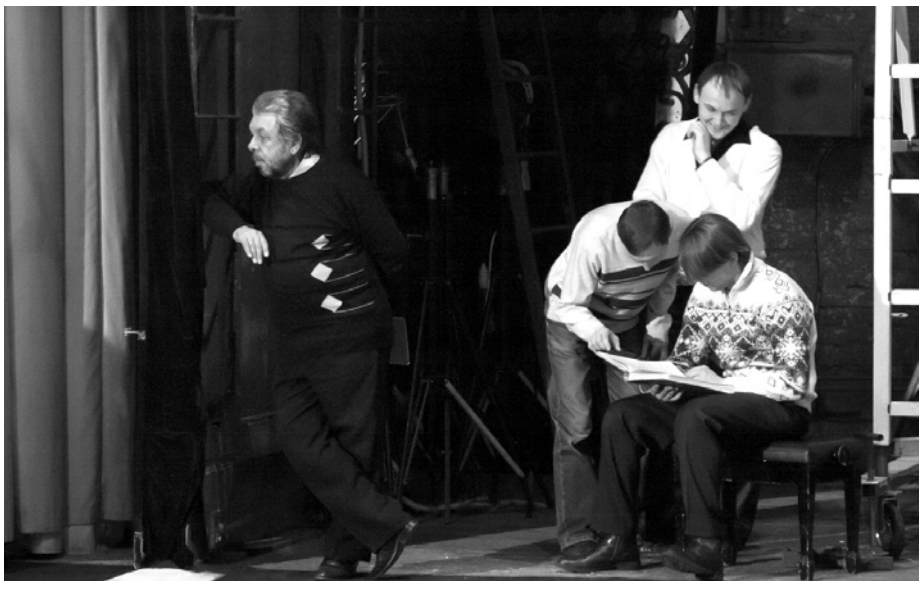
- Дело не в том, какая эпоха на сцене, пиджаки или фраки на артистах, а только лишь в логике и осмысленности происходящего на сцене. Как это ни банально звучит, но повторять слова Дени Дидро – «все жанры хороши, кроме скучного» – приходится снова и снова. Когда я смотрел в Нью-Йорке знаменитого «Риголетто» в постановке Джонатана Миллера, где конфликт завязан на разборках сицилийской мафии, я плакал в финале, настолько подлинная трагедия происходила на сцене. А Черняков… У него свой путь, он движется по нему очень последовательно... Лично меня его «Похождения повесы» Стравинского в Большом театре убеждали куда больше, чем «Евгений Онегин», но именно «Онегин» сделал его тем, что он есть сейчас.

- И последний вопрос – о национальной опере. В Казани вы поставили «Джалиля» Назиба Жиганова и «Любовь поэта» Резеды Ахияровой. Во втором случае получили Государственную премию. Отнюдь не всем режиссерам удается сломить «сопротивление материала», созданного, как правило, в советские времена, и обойти все запреты на вторжение в либретто и партитуру. Вам ничего не пришлось преодолевать в работе с татарскими операми?

- Нет. Я сам 23 года прожил в национальной республике Туркменистан и несколько лет играл на скрипке туркменскую музыку. У меня нет никаких предубеждений к национальным операм, как бы давно они ни были написаны. Когда мы ставили «Джалиля», то применяли видео и другие новации, когда еще никто этого не делал. И либретто основательно обновили при полном единодушии с театральным руководством и с сыном композитора. Так что повторюсь: я никогда не руководствуюсь ни авторитетами, ни готовыми оценками. Есть либретто, музыка, сцена. И никаких предрассудков по поводу материала, публики, артистов или чего-то еще.

- Спасибо. Ждем встречи с «Тоской» с нетерпением.

Беседовала Лилия ЛАТЫПОВА.



На снимках: фрагменты репетиции; на странице 2 внизу – замок Сант-Анджело в современном Риме.

Встреча для вас

По страницам газет

Художественно-тематические, художественно-психологические координаты в искусстве Магафуры Салигаскаровой поразительно разнообразны. Но это — одна артистическая судьба, одно художественное призвание. Никому другому в башкирской опере не довелось так счастливо претворить на сцене, говоря пушкинской строкой, «союз волшебных звуков, чувств и дум». И тот был соотнесен не только с персонажем, но, опять же по Пушкину, — с «судьбой народной, судьбой человеческой». Сводный образ искусства Магафуры Салигаскаровой здесь — всеобщая биография башкирской женщины XX века, своего рода национальный эпос. Эпос в том его качестве, которое откликается на ключевые и переломные события в жизни людей, истории народов. Для башкирского театра это вечный зов социальной и национальной свободы, звучавший во всех произведениях, в каких пела исполнительница. Сознание исторической роли башкирского музыкального театра окрылял недюжинный талант певицы.

Суюндук САИТОВ.
«Республика Башкортостан» от 17 января 2008 года.

Внимание приковывает образ Кармен в исполнении артистки Салигаскаровой. Она создает тип «черной Венеры», близкий замыслу Мериме. В ее игре много страстности, задора, дикой грации. Тонко передает артистка частую смену настроений, нигде не снижая цельности образа.

М. КУГУШЕВА, засдуженный деятель искусств БАССР.
«Красная Башкирия» от 31 октября 1945 года.

Свобода и независимость чувства – вот что, прежде всего, подчеркивает М.Салигаскарова в образе Кармен. Она покоряет необычайной поэтичностью и искренностью пения в лирических сценах, где бурная страсть переполняет душу андалузки. Вдохновенно прозвучала в ее исполнении знаменитая хабанера. Подхваченная вихрем танца, под звуки кастаньет, кружится она с беззаботной песней на устах в толпе солдат, пикадоров, работниц табачной фабрики. Насмешкой и презреньем горят ее глаза, когда хотят сделать насилие над волей Кармен.

Артистка не идеализирует свою героиню, не сглаживает в ней противоречий, не затушевывает ее непостоянство, своенравие, озорных выходок. В спектакле Башкирского театра Кармен не останавливается перед тем, чтобы со смехом вскочить на стол к растерявшемуся капитану кордегардии или схватить его за козырек каски, чтобы поглубже нахлобучить на глаза.

Г. КНЯЗЕВ.
«Приокская правда» от 26 июля 1957 года.

Ее Величество

Недавно визит к этой удивительной, замечательной женщине, артистке, певице дал неожиданный заряд бодрости, оптимизма, хорошего настроения. Магафура Салигаскарова – народная артистка России и Башкортостана, неподражаемое меццо-сопрано Башкирского оперного театра. Ей девяносто лет. Возраст, который уже можно не скрывать, а наоборот, гордиться им. Не каждому дано пройти сквозь десятилетия жизненных испытаний, сохранив светлую голову, задоринки в глазах, живое чувство юмора, не просто спокойствие, а я бы сказала, величие духа. Магафура никогда ничего не просила, ей все предлагали сами, а она принимала с благодарностью, щедро расплачиваясь талантом, отпущенным ей Природой. Уникальный голос, абсолютный музыкальный слух, тонкое чувство ритма, артистизм, соединенные с художнической интуицией и внутренней свободой, давали потрясающие результаты. Совсем еще девчонка, она быстро схватывала, впитывала, запоминала все, что преподносили ей дирижеры, режиссеры, педагоги, а зачастую сама угадывала – КАК НАДО. Это сформировало совершенно особую художественную эстетику певицы, которой она следовала всю свою сценическую жизнь длиною в три с половиной десятилетия. Ее называли и королевой, и царицей, и хозяйкой Башкирской Оперы. И все верно, потому что певица стояла у самых истоков оперного искусства Башкортостана, работая в театре с момента основания. Магафура Салигаскарова спела более 60 партий в операх русских и зарубежных классиков, национальных композиторов, упиваясь музыкой, судьбами своих героинь и ввергая в пучину восторга потрясенную публику. Четверть века она была незаменимой, потрясающей, самой обаятельной Карменситой. Ее муж – Мухамед Арсланов – талантливый художник, один из основоположников башкирского театрально-декорационного искусства. Они прожили вместе 58 лет. Их сын, Рифхат Арсланов, унаследовал талант отца и в настоящее время – главный художник БГТОиБ. У Магафуры Галиулловны четверо внуков. Недавно старшая внучка Диана (тоже художник, живет в Москве) подарила правнучку – Раду. На радость всем.

С 1972 года певица на заслуженном отдыхе. Но связи с театром не теряет, вкус к жизни не утратила. Беседовать с ней – одно удовольствие. Поражают ее феноменальная память, свобода мысли и независимость высказываний. Она уже как Сикстинская Мадонна Рафаэля имеет право выбирать, кому ей нравиться, а кому – нет.

- Как ваше здоровье, Магафура Галиулловна?

- Ничего пока, терпимо. Вот плохо слышу, правда. Но, знаете, иногда чего-то не слышать – так даже лучше. Вообще старость – гадость, не радость.

- Душа все равно молодая?

- Душа – молодая. Когда сидишь. А как начнешь ходить… Ох, колени подводят…

- Станиславский сказал: «Беда не в том, что стареешь, а в том, что остаешься молодым».

- Да, вот беда: не чувствую себя старой. Кажется, все могу, как раньше, а фактически – ничего не можешь. Природой все рассчитано.

- Расскажите, пожалуйста, о своем жтье-бытье…

- Я живу одна. И это хорошо. Никто не мешает. Мои ровесники, которые жили с семьей, детьми, внуками, все ушли. Вот такой парадокс, но в нем есть зерно здравого смысла. Молодых все раздражает: громко разговариваешь, шуршишь ногами… А я одна – никто ничего не говорит. У меня нервы спокойны. Когда надо, приходят, кушать приносят…

- Вы знаете, что происходит в театре? Вам это интересно? Откуда вы узнаете обо всем?

- Мне это очень интересно. Приходит сын Рифхат, рассказывает о театральной жизни. Потом бывает у меня председатель совета ветеранов Георгий Коробов. Так что я в курсе событий.

- И как вы оцениваете нынешнее состояние театра?

- Как бы вам сказать… Неплохо! Но кажется мне, раньше лучше было. Какие голоса были! Труевцев – баритон, лучший князь Игорь. Сутягин – и голос, и актер великолепный, а дикция какая – каждое слово понятно. У Бану Валеевой не очень большой голос был, но летящий, пробивала оркестр… Муромцев, Кукотов, Кокурин, Бриткова, Федотова, Ахметзянова, Бызина… Настоящие оперные голоса! А сейчас – все больше камерные. На день пожилых людей нам концерты дают, но, в основном, из эстрадных номеров. А зачем нам эстрада?! Мы же работали в опере, так давайте нам отрывки из опер!

- В чем, по-вашему, беда, почему сейчас не поют, как в те времена? Учат не так? Или природа оскудела?

- Может, и от природы… Кто его знает! Вот у нас пели басы – Хабибуллин, Муромцев, Брятко… Какая мощь, какая красота!

- Что бы вы посоветовали нашим молодым певцам с высоты своего сценического и жизненного опыта?

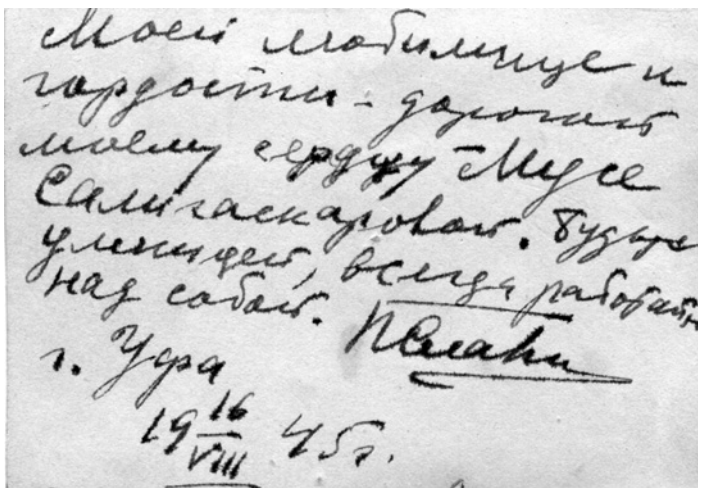
- Ну, какой совет я могу дать… Они поют, как могут, стараются, оправдывают себя… Ведь из своей кожи не вылезешь… Пусть работают больше, мастерство набирают!

- Вспоминаете эпизоды своей артистической жизни?

- Как панорама проходит каждый день вся моя жизнь. Особенно когда ложусь спать, вспоминаю, вспоминаю… И как в театр поступила, и какие партии давали, как пела, с кем… Какие дирижеры, режиссеры со мной работали… У меня память хорошая. Все помню.

- А как вы попали в театр?

- Мне было семнадцать лет, занималась в русском и башкирском хоре при радиокомитете, о театре даже не мечтала. Руководила нами некая Цибульская, хормейстер из Москвы. Она говорила: «Ты – девочка голосистая, тебе надо петь!» – и все время выдвигала меня в солистки. Однажды, это было в начале 1938 года, я иду по улице и вижу объявление: «Готовятся артисты хора для Оперного театра». Я – к Цибульской, а она говорит: «Иди обязательно!». Прихожу в театр, а там замечательный, как я потом узнала, хормейстер Анатолий Георгиевич Тихомиров прослушал меня и решил: «Музыкальная девочка! Беру!». Шесть месяцев нас обучали музыкальной грамоте, потом сдавали экзамен. Мне все легко давалось, через месяц свободно


Моей любимице и гордости – дорогой моему сердцу Мусе Салигаскаровой. Будьте умницей, всегда работайте над собой. Славин
г. Уфа
16/VIII 45 г.

Моей любимице и гордости – дорогой моему сердцу Мусе Салигаскаровой. Будьте умницей, всегда работайте над собой.

П. СЛАВИНСКИЙ. Уфа, 16 августа 1945 года.

Магафура САЛИГАСКАРОВА

читала ноты с листа. В общем, прошла я конкурс, и 1 октября 1938 года меня оформили на работу артисткой хора театра. Солисты еще не приехали из Москвы, где обучались вокальному искусству в оперной студии при консерватории. Башкирского оперного репертуара, кроме «Хакмар» Валеева, нет. Стали разучивать произведения татарских композиторов – Жиганова, Сайдашева, а также эстрадные и хоровые номера. Наконец приехали из Москвы девять выпускников консерватории: Валеева, Валиахметова, Ильбаева, Максютова, Габдрахманова, Хабибуллин, Галимов, Галкин, Сыртланова-Калинина. Молодые, красивые. Привезли дипломные спектакли – «Прекрасная мельничиха» Паизиэлло и «Тайный брак» Чимарозы. «Прекрасной мельничихой» и открыли театр в декабре 1938 года. Правда, хора там нет.

- Когда вы получили свою первую сольную партию?

- В это же время приехал дирижер Петр Михайлович Славинский и стал ставить казахскую оперу – «Ер-Таргын» Брусиловского. Там хор занят. Этой оперой отметили годовщину образования Башкирской автономии. На небольшие сольные партии стали подбирать хористок. И мне поручили партию Акъелен. На репетиции вышла перед оркестром и впервые увидела дирижера за работой. Так смешно получилось: он наклоняется – и я наклоняюсь, он вверх – и я вверх. Петр Михайлович смеется: «Ты что, девочка, летать собираешься?» Вот так постигала азы оперного искусства. Славинский оценил мою музыкальность, мой голос, организовал обучение. С этого момента все и пошло! В «Риголетто» он дает мне Джованну, Пажа. В опере Валеева «Хакмар» я уже пела Кюнбике. Началась война, в Уфу приехал эвакуированный из Киева театр оперы и балета имени Шевченко, и я стала заниматься у прекрасного концертмейстера, педагога Риммы Лазаревны Фишер. К нам также эвакуировали оперную студию московской консерватории под руководством профессора Владимировой. Это, можно сказать, мои университеты... В дипломном спектакле «Евгений Онегин» я пела Ольгу.

Вскоре стали ставить «Аршин мал алан» Гаджибекова, мне дали партию Асьи. Но вот беда – там еще надо текст говорить, а я не умею. Пришлось помучиться. Голос мой все-таки победил, Асью я исполнила. А после роли Нэркес, дочери подводного царя, в опере «Акбузат» Спадавеккиа меня перевели в штат солисток. Тоже интересно получилось. Основная исполнительница этой партии была лишена чувства ритма, у нее ничего не получалось. А я не пропускала ни одной репетиции, сидела на галерке, все впитывала, запоминала все партии. И Петр Михайлович, помучившись с той певицей, вдруг крикнул, обращаясь к галерке: «Муся, ты где? Иди сюда, выручай!».

- Мы уже приближаемся к вашей судьбоносной партии – Кармен?

- В 1945 году Славинский, к огорчению всего коллектива театра, уехал, а на свое место главного дирижера определил Алексея Филипповича Ковальского. Тот решил эффектно начать свою работу и для дебюта взял оперу Бизе «Кармен». Из трех меццо-сопрано он выбрал меня на главную партию. А мне было 24 года. Ковальский был такой темпераментный, так был заинтересован в постановке, что часто выступал и как режиссер. На репетиции заставил меня надеть красную юбку с белыми оборками внизу и кричал мне: «Муся, не забывай пену!» - «А что такое «пена»? – «Да нижняя юбка!». Ему мало было просто петь даже на репетиции, надо было играть. Вот так он меня и дрессировал. Дома ночью стучала кастаньетами, досаждая соседям… Премьера состоялась накануне октябрьских праздников. Успех был оглушительный! Вот моя первая рецензия в газете «Красная Башкирия». Музыковед Кугушева называет мою Кармен «черной Венерой». Двадцать пять лет я играла Кармен одна. И когда на пенсию уходила, прощальным спектаклем выбрала «Кармен». Римма Лазаревна говорила: «Надо уходить вовремя, чтобы запомнили тебя в расцвете таланта. Блеснуть, махнуть – и уйти!» Я рано ушла. Решительно и бесповоротно. Меня звали петь, но я даже рта не открыла.

- И вся сценическая жизнь у вас прошла так же блистательно, как началась?

- Всегда все шло, как по маслу. Никогда не просила, не жаловалась. Нариман Сабитов говорил: «Ты – паспорт нашего театра! Мы на тебя надеемся». И я никогда не подводила. Вот такой случай расскажу. В 1946 году мы поехали на гастроли в Астрахань. А я – беременная, но никому не сказала. На меня ведь рассчитывал Ковальский. Плыть на пароходе десять дней, и где-то к концу пути мой живот стал меня выдавать. Гуляю по палубе, а Ковальский пристально так смотрит на меня и восклицает: «Ты меня убила!». Я его успокаиваю: «Не волнуйтесь, Алексей Филиппыч, у меня муж – художник, он такой костюм придумает, что никто ничего не заметит». Так и вышло. На открытии гастролей я выступила успешно, а через неделю меня отправили в Уфу. Вскоре родила сына Рифхата. Театр вернулся с гастролей, все ушли в отпуска, к началу сезона я вместе со всеми вышла на работу, в декрете практически и не была. Репертуар меццо держался на мне, и я не могла подвести театр.

- Магафура Галлиуловна, есть в вашем «послужном списке» партии, которые вы любили бы так же, как и Кармен?

- Очень любила Амнерис в «Аиде», Любашу в «Царской невесте», Любовь в «Мазепе», Аксинью в «Тихом Доне»… Сабитов на меня ставил оперу Верди «Трубадур» – с удовольствием пела Азучену. Да все роли интересные были. Работала много, из театра почти не уходила…

- Своих героинь видите во сне?

- Да вот несколько дней назад приснилось, что я – Кармен. Режиссер Просторов учил меня шарфом как бы приманивать Хозе. И вот во сне я помахиваю шарфиком, заманиваю… Ясно вижу, ярко… Так всю жизнь Кармен меня и не покидает…

Беседовала Нина ЖИЛЕНКО.

На снимках: Петр Славинский, его автограф; Магафура Салигаскарова в спектаклях «Кармен», «Аида»; у себя дома; в театре среди коллег с С.Я. Лемешевым. Фото из архива героини материала.

В свете рампы

Кредо балерины Валерии Исаевой

Недавно Красноярск принимал гостей и участников форума «Балет. XXI век», посвященного 85-летию Юрия Григоровича. В рамках грандиозного мероприятия прошел III Всероссийский смотр-конкурс артистов балета и хореографов. Солистка балетной труппы Валерия Исаева вернулась из столицы Восточной Сибири лауреатом первой премии этого престижного танцевального состязания. Она была удостоена и специального приза мэра Красноярска. Победа еще раз убедила Валеру, что фанатичное служение избранному делу рано или поздно приносит свои плоды. Пятый сезон балерина в уфимском театре. Надежный партнер, работоспособная, перспективная артистка, она хороша в разных амплуа – и в лирических, и в характерных образах, станцевала семь главных партий и множество сольных. Совсем скоро Валерия представит публике новую работу – Одетту-Одиллию в «Лебедином озере». А сколько во владениях Терпсихоры неизведанных вершин! Валерия их непременно покорит, потому что ее жизненное и творческое кредо – «Вперед, несмотря ни на что!».

Валерия – волжанка, родом из Ульяновска, города самолетостроителей. Родители технари, но мама – человек музыкальный – всегда хотела стать балериной, и эту мечту передала дочери. В раннем детстве будущая балерина отправилась в танцевальный кружок. В город на гастроли часто приезжали разные театры, с мамой они не пропускали ни одного балетного спектакля. Однажды шестилетняя Лера попала на «Лебединое озеро» и загорелась: захотела стать настоящей танцовщицей. А вскоре в Ульяновске открылась хореографическая студия при музыкальной школе. Занятия вела бывшая балерина Маргарита Валентиновна Янаварёва. Она в свое время работала в Воронеже, Петербурге, а потом вернулась на родину, дома ее ждали пожилые родители. Все свои знания и опыт передавала детворе. Мальчишки и девчонки стояли у станка, делали батманы и плие... В 1999 году студия поставила своими силами «Щелкунчика», а на главные партии пригласили молодых артистов из Уфы. Это были … Елена Фомина и Руслан Мухаметов! Многие воспитанники Маргариты Валентиновны поступали в хореографические училища Москвы, Казани, Уфы. Именно она разглядела в Валерии задатки будущей профессиональной балерины и посоветовала ехать в Уфу. Лера не забывает навестить свою первую наставницу, когда бывает в родном городе.

В уфимское училище одиннадцатилетняя девочка поступила сразу во второй (шестой) класс. Она с теплотой и благодарностью говорит о своих педагогах - Лидии Михайловне Беляевой, Эльзе Акрамовне Сулеймановой. А Людмила Васильевна Шапкина, в классе которой она выпускалась и под чьим чутким руководством продолжает осваивать партии в театре, для нее эталон отношения к профессии. Она и учитель, и советчик, и помощник. Запах кулис вдохнула уже в годы учебы. По традиции, балетную поросль постепенно приобщали к выступлениям на большой сцене. Они выходили амурчиками в «Волшебной флейте» Риккардо Дриго, арапчатами в «Баядерке» Людвига Минкуса… На выпускном курсе танцевала Белоснежку в балете Карена Хачатуряна «Белоснежка и семь гномов».

Годы учения позади, впереди взрослая жизнь, полная самых непредсказуемых поворотов судьбы. В 2008 году Валерия Исаева принята в труппу, постепенно входит в репертуар. А в 2009 году театр готовит премьеру балета Рустэма Сабитова «Прометей» и для постановки приглашает Игоря Маркова – санкт-петербургского хореографа, бывшего солиста прославленного Театра балета Бориса Эйфмана. Почему он предложил танцевать главную женскую партию – Агазию – ей, начинающей балерине, которая еще и сезона не отработала в театре, Валерия до сих пор не может до конца осознать. «У постановщика был уже сложившийся образ спектакля. Видимо, я вписалась в его представление об этой героине, – делится своими размышлениями танцовщица. – Агазия стала одной из моих любимых партий. Главное в ней – абсолютная преданность любимому человеку, и это совпадает с моим пониманием любви. Она верит Прометею, хочет передать другим людям свою убежденность и оказывается среди них чужой. Финал балета оптимистичен – люди прозрели, жертвы были не напрасны. До этой постановки я не очень интересовалась современным танцем. Здесь есть такие поддержки, которые выполняются по иным, нежели в классике, принципам. Меняется ощущение собственного тела, пространства… А еще в этом балете фантастическая музыка. Мою тему создают не только инструменты, но и вокализ – нежная, трогательная тема. Тело само отзывается на нее – хочется танцевать еще и еще. Я скучаю по этому спектаклю».

В классическом репертуаре Валерия дебютировала партией Мари в «Щелкунчике» Петра Чайковского. С тех пор эта рождественская сказка, подаренная уфимцам тандемом Григорович – Вирсаладзе, один из любимых спектаклей. Потом были трепетная Мария в «Бахчисарайском фонтане» Бориса Асафьева, кокетливая игрунья Лиза в «Тщетной предосторожности» Петера Гертеля… И соблазнительная Вакханка в «Вальпургиевой ночи» Шарля Гуно, и очаровательная капризница Мальвина в «Тайне золотого ключика» Наримана Сабитова, и девушка-мечта Йондоз в «Аркаиме» Лейлы Исмагиловой, не говоря уже о па-де-де в «Жизели» Адольфа Адана, па-де-труа в «Лебедином» и других сольных партиях. Каждая роль дорога, ей равно близки и гротесковые персонажи, и романтические героини. По признанию коллег, она с успехом реализует себя в разных стилях.

Подтверждением тому стал ее недавний успешный дебют в партии Медоры. 3 ноября нынешнего года на спектакле «Корсар» Адольфа Адана зал Уфимской Оперы был полон. Героиня Валерии покоряет нежностью, грациозностью, преданностью и самоотверженностью в любви. Танцовщица полно раскрылась и в лирических, и в игровых сценах. Овации публики в финале и поздравления коллег, наставников стали лучшей наградой. Хочется подчеркнуть, что еще в дни постановки «Корсара» Олег Рачковский, ассистент Юрия Григоровича, на пресс-конференции особо отметил Валерию, которая в премьере танцевала сразу три важных партии – в Танце торговца и невольницы (Pas d` esclave), первую вариацию в танце трех одалисок, вариацию в картине «Оживленный сад».

В этом году Валерия Исаева участвовала в двух конкурсах. С IV Международного конкурса Юрия Григоровича «Молодой балет мира» (Сочи) вернулась дипломантом, а красноярский форум, о котором речь шла выше, стал для Валерии триумфальным. Авторитетное жюри под председательством Юрия Григоровича присудило ей победу. Напомню нашим читателям, что солиста балета и партнера Валерии Рустама Исхакова наградили второй премией, а учащаяся БХК имени Рудольфа Нуреева Адель Овчинникова стала дипломантом. Vivat башкирской балетной школе!

Тем не менее, Валерии ближе работа «на стационаре», погружение в процесс репетиций и стихию театрального действа, нежели конкурсные марафоны, хотя они дают возможность преодолеть себя и поверить в собственные силы. Особенно для нее отрадно, что на спектакли с ее участием приезжают родители, всегда выбирается муж, который поддерживает во всех начинаниях. Так необходимо знать, что в зале родной человек.

«Бывает и так, что нет сил, но все равно идешь в зал, – делится балерина. – Репетируешь именно то, что не получается. А когда добиваешься результата, это окрыляет. Постепенно все реальное отодвигается. Существует только танец».

Вперед, Валерия, несмотря ни на что!

Марина ЛУГОВАЯ.

ФАНАТИК И ЦВЕТОК

Людмила ШАПКИНА,
народная артистка Башкортостана,
педагог БХК имени Рудольфа Нуреева,
педагог-репетитор балетной труппы

Валера попала ко мне в старших классах училища. Исполнительная, старательная, техничная. Актерски раскрывалась постепенно и в полной мере проявила себя после участия в конкурсе Юрия Григоровича «Молодой балет мира», который проходил в Сочи. Мы тогда много беседовали, обсуждали, постоянно общались. В театре и поговорить толком некогда – класс, репетиции, спектакль. Круговерть, одним словом.

Валерия – из тех балерин, которые расцветают постепенно, как цветок весной. У нее богатый внутренний мир. Я рада, что сейчас она гармонична, технику подкрепляет актерским наполнением. Недавно танцевала Медору в «Корсаре», полностью раскрыла образ. И Мария ее в «Бахчисарайском фонтане» дозрела. В «Тщетной» же она играет саму себя. Сейчас готовим «Лебединое озеро». Трудный спектакль –- и физически, и эмоционально, надо представить два контрастных образа.

Она разноплановая. Партии, уже станцованные, в новом спектакле по-другому трактует. Ведь работа над образом длится всю жизнь. Ищешь новые краски. С годами приходит иное осмысление. Я довольна ее результатом на конкурсе артистов балета в Красноярске. Состязания выводят в люди, придают дополнительный импульс, вселяют уверенность. Успех окрыляет.

Пожелаю моей ученице здоровых ног, терпения и … работать с утра до вечера.

Фарида МУСТАЕВА,
педагог БХК имени Рудольфа Нуреева,
педагог-репетитор балетной труппы

Впервые я увидела Валерочку в 2002 году – она поступала в училище вместе с моим сыном. У нас все дети на виду, хорошо знала их класс. Я вела у них народный сценический и характерный танец. Все пять лет нашего общения она была помощницей. Внимательная. Исполнительная. Всегда приходила готовой на занятия. Можно было подойти к ней и спросить: «Валера, как я показывала на прошлом уроке?» Она знала абсолютно все движения. В свои 14 лет вызывала неподдельное уважение ответственным отношением к выбранной профессии.

На втором курсе я предложила ребятам поработать над «Танцем Анитры» в хореографии Владимира Могильды (он в свое время ставил у нас в театре танцевальную версию на музыку Эдварда Грига к драме «Пер Гюнт» Генрика Ибсена). Это было довольно сложно для детей. Я удивлялась, насколько точно Валера улавливает все тонкости восточной пластики! У нее уже тогда была очень крепкая школа классического танца. И сейчас я довольна, как она танцует, например, венгерскую и польскую невесту в «Лебедином» – гибкие руки, чувствует стиль, национальный колорит.

П. Гертель. «Тщетная предосторожность». Лиза.

В свои 22 года она зрелая танцовщица, опытная актриса. Цельная натура, не распыляется по мелочам. По-хорошему фанатик своего дела.

А. Адан. «Корсар». Медора. Конрад – Р. Исхаков.

Л. Исмагилова. «Аркаим». Иондоз. Самбулат – И. Маняпов.

Л. Минкус. «Дон Кихот». Повелительница дриад.

Андрей БРЫНЦЕВ, солист балета

Наша первая совместная работа с Валерией – балет Рустэма Сабитова «Прометей» в хореографии Игоря Маркова. Спектакль погрузил нас во все многообразие современной танцевальной лексики. Уже тогда, работая первый сезон в театре, она показала себя не по годам ответственной и надежной партнершей, очень работоспособной. Потом мы стали танцевать и классический репертуар: «Щелкунчик», «Тщетную предосторожность»… Валерия всегда полностью отдается танцу, никогда себя не жалеет, работает на износ. С ней удобно и легко. Конечно, быть в паре с подобной балериной – мечта. У нас в балете говорят о таких: «Стой сзади, не мешай!». Сама все делает, партнер должен просто излучать уверенность, подстраховывать.

Валера – человек общительный, приятный, позитивный. Главное, чтобы ей хватило здоровья, душевного внутреннего запала. Думаю, с этим у нее проблем не будет. Поначалу не сразу раскрылась, брала природой, техникой. Теперь добавляет мастерство, которое пришло с опытом.

Валера – на взлете, в самом расцвете. Думаю, она раскроется и как гротесковая балерина, и как лирико-романтическая. Она многогранна. Универсальность – большое счастье для артиста балета. Когда ты не зажат в репертуарных рамках, не замкнут на каком-то одном амплуа, психологически легче. Это продлевает жизнь в балете.

Записала Марина ЛУГОВАЯ.

Мнение

ТЕАТР ГЕОРГИЯ ИСААКЯНА

Георгий Исаакян – один из самых интересных режиссеров современности. Его спектакли идут на сценах крупнейших театров России и мира, получили признание широкой публики и придирчивых критиков: почетные премии и полные залы – яркое тому подтверждение. Уфимской Опере Георгий Георгиевич подарил уже три спектакля. «Послы Урала», «Князь Игорь» и совсем новая «Школа влюбленных» в полной мере отражают разносторонний подход к материалу: от национально-исторического до современно-авангардного. Человек фантастического обаяния, Георгий Исаакян умеет расположить, увлечь. На репетициях создает непринужденную атмосферу доверия и творческого поиска. Общаться с ним – отдельное удовольствие. Обычное интервью оборачивается увлекательными рассуждениями о театре, музыке, духовных и нравственных ценностях. Часто многое из подобных бесед остается «за кадром» опубликованного текста. А это так интересно! Вот, например…

- Георгий Георгиевич, не хотите собственный театр создать?

- Так складывалось, что государственные театры, где я работал, с течением времени, так или иначе, становились «моими». Пермский театр за двадцать лет уже в чистом виде стал «моим». Там появилось целое поколение певцов, артистов, музыкантов, которые годами создавали со мной спектакли и работали в них, многие были моими учениками, выпускниками. Это был ансамбль, то, что Брехт называл «ансамблевым театром». Люди понимали друг друга с полувзгляда, полувздоха.

В новом театре – Московском детском музыкальном театре имени Наталии Сац – я уже два сезона. Актерский ансамбль достаточно быстро понял мой язык, я стараюсь внимательно вглядываться в каждого артиста. Первый спектакль «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева оказался успешным и для каждого артиста, и для театра в целом. Новая работа – старинная опера 1600 года «Игра о душе и теле». Уж, казалось бы, настолько невыполнимая задача, нереализуемая в рамках детского театра: старинная музыка со старинными инструментами, международной постановочной группой, с английскими музыкантами… И посмотрите: артисты, привыкшие работать в определенной стилистике детского театра, вдруг ведут на сцене серьезные интеллектуальные диспуты, играют религиозную драму под добарочную музыку. Неожиданно для всех! Понятно, кто-то всегда бывает недоволен – то «слишком сложно», то «слишком современно», то еще что-нибудь... Но я верю, что вменяемых людей гораздо больше. Театр успешен, если артисты успешны – надо радоваться.

Создать свой театр… Оперный театр – это сложная дорогостоящая история. Если драматический театр-лабораторию ты можешь открыть, отказавшись от энного количества жизненных благ, и работать в свое удовольствие в подвале с залом на 50 мест с 10-15 коллегами, то в нашем жанре ты в «студийной» форме никогда не будешь иметь тех просто необходимых для этого типа театра возможностей, которые имеешь в тысячном зале, с труппой оперного театра, с оркестром. Поэтому создание «своих» оперных театров – явление исключительное. Камерный театр Бориса Покровского, «Гèликон» Димы Бертмана и - практически все. Остальное так или иначе – либо чье-то (чаще всего – государства) очень серьезное вложение, либо разовые проекты.

Да, проекты – это возможная, мало того, важная форма деятельности. Но я всегда спорю с коллегами, как и с людьми власти, что не должно быть перекосов от институтов в сторону проектов. Театр оперы и балета – очень важный социальный институт. Но подспудно все время обсуждается вопрос: может, не нужна нам эта «опера». Дорогая игрушка: столько надо денег, средств на содержание огромного здания, труппы, обслуживающего персонала, цехов, всем платить зарплату, давать на постановочные расходы… Такие рассуждения недальновидны.

Оперный театр – особенный уровень жизни, развития общества, города, республики. Он не витает в безвоздушном пространстве, а формирует вокруг себя гигантскую социальную и культурную сеть – школы, музыкальные, хореографические, художественные учебные заведения среднего и высшего звеньев, огромное количество специалистов разных профилей. Это тысячный зал, который ежевечерне заполняясь, пропускает через себя за год 150-200 тысяч человек.

Изменяется в связи с этим качество жизни всего региона: если несколько раз в год ты имеешь возможность побывать в оперном театре, на балетных спектаклях, на симфоническом концерте, представление о жизни становится другим. И так далее.

Грустно, что этот спор никак не завершится. Сегодня вроде дискуссия закончилась, а завтра в каком-нибудь кабинете появляется кто-то, кто начинает все сначала.

Я понимаю, многие вполне представляют свою жизнь без театра, без музыки, без живописи, без хореографии. Вопрос в том, почему эти люди считают возможным навязывать мне свой образ жизни, а я не должен этого делать? Ну, хорошо. Представим: закрыли театр. Дальше что? Вместо него – что хорошего, важного появляется в жизни? Было бы понятно, если бы оперный театр вытеснял что-то, мешал чему-то очень важному, тогда можно было бы о чем-то поспорить. Но ужас в том, что ничего *вместо* не появляется. Появится просто лишний вечер, чтобы бессмысленно посидеть в кафе. Или перед телевизором. Или сходить в баню. А при работающем театре вы не могли себе это позволить?

Записала Валентина АЙШПОР.

На снимках: Георгий Исаакян на репетиции оперы «Школа влюбленных» в Уфе.

Малоизвестные факты

КАК БУДТО ВЫПАЛ ИЗ ГНЕЗДА…

Красивая, энергичная, компетентная, неравнодушная к людским бедам, жаждущая справедливости, готовая помочь по первому зову Клара Тухватуллина всегда была окружена ореолом женщины-легенды. Даже когда еще работала. С молодости она занимала самые высокие должности в республике: секретарь обкома комсомола, министр культуры, заведующая отделом культуры обкома партии… В двух словах и не скажешь обо всем, что сделала Клара Габдрахмановна для развития национальной культурной сферы. Вот только то, что касается Башкирского государственного театра оперы и балета. Это ей пришла в голову мысль о его реконструкции за счет рядом стоящего здания Совпрофа. Тухватуллина едет в Москву, добивается поддержки, помощи Министерства культуры СССР, лично Екатерины Фурцевой, и проект воплощается в жизнь. В результате профсоюзы переехали в прекрасное здание – настоящий дворец, а оперный театр расширился и приобрел новые гримерные, классы для занятий, репетиционные залы... Кларе Тухватуллиной поручали самые сложные задания, и она всегда с ними справлялась. Впрочем, одно осталось невыполненным…

Это связано с Рудольфом Нуреевым, и вот как сейчас вспоминает об этом Клара Габдрахмановна:

- Примерно за полгода до знаменитого побега Рудольфа из страны, вызывает меня, тогда первого секретаря обкома комсомола, Зия Нуриевич Нуриев, первый секретарь обкома партии.

- Люди вопросами замучили, – посетовал он. – Все об однофамильце. То в сыновья, то в братья записывают. Хочу помочь ему. Поэтому вот тебе задание: верни Рудольфа Нуреева в республику.

С таким напутствием и отправилась я в Ленинград. Остановилась у подруги в общежитии Высшей школы профдвижения. Землячка моя о Рудольфе много слышала, была его поклонницей. Отправились мы вместе на спектакль (к сожалению, уже не помню, какой именно). После представления сама за кулисы не пошла, с подругой записку отправила. Так, мол, и так, имею поручение от Нуриева: возвращайтесь в республику, все ваши проблемы будут решены. Пригласила для конкретного разговора в общежитие, где остановилась, на следующий день к двенадцати часам. Рудольф, по словам подруги, записку прочел, пообещал прийти в назначенное время.

Весть о визите мгновенно разнеслась по общежитию. Мы стояли на верхних ступеньках лестницы. К полудню у входа и в холле собралась огромная толпа поклонниц танцовщика. Их было столько, что Рудольф не смог пробиться к нам. Он махнул мне рукой – дал знак, чтобы вышла на улицу. Я представилась, и мы стали прогуливаться по набережной. День был промозглый. Худенький спутник мой буквально посинел от холода. Он остановил такси (тогда это было не дорогое удовольствие), и мы продолжили разговор. Со своим характерным, слегка крючковатым носом Рудольф напоминал мне выброшенного из гнезда птенца. Казалось, даже в самом облике его таилась обида. Из-за того, что не приняли в республике, не оценили. После учебы, вернувшись в Уфу, обратился он по поводу квартиры к председателю Совета Министров Башкирии Набиуллину, а тот сказал, что «надо заработать». «Не мне дайте, – просил Рудольф, – родителям. Они столько лет на заводе трудятся». А в ответ: «Вот пусть они и заработают».

- Но ведь Зия Нуриевич хочет исправить ошибку! – горячо убеждала я. – Возвращайся – и все у тебя будет!

Рудольф подумал и ответил:

- Вы сами видите, какой успех у меня в Ленинграде. И здесь я уже имею две квартиры: в комнате, недалеко от театра, живу, когда бывают спектакли. Во второй квартире, в новом районе, провожу время, когда хочу уединиться. Я не вернусь, потому что полюбил Ленинград, обязан ему многим…

Как-то обидно мне стало за этот город, когда Рудольф, буквально через несколько месяцев после нашего разговора, покинул его. Уж очень искренне он говорил о своей любви к Ленинграду.

Дома мне, конечно, очень досталось от Зии Нуриевича.

- Не выполнила ты моего задания! – сурово сказал он.

А что я могла? Помню, убеждала Рудольфа, что он у нас один, что имя его всегда будет связано с Башкирией.

Вывод такой я сделала после поездки в Румынию. Было это года за два до моей встречи с Рудольфом Нуреевым. Для делегации ЦК комсомола и представителей румынской молодежи в советском посольстве был устроен прием. Заговорили об искусстве. Тут я хвастанула: наш-то башкирский балет на третьем месте в стране значится – после Большого и Кировского театров. Все наши артисты – выпускники Ленинградского училища имени Вагановой, кадры первоклассные. Первый секретарь ЦК комсомола Сергей Павлович Павлов под столом меня ногой толкает: ну и хватила, мол. А я – еще упрямее: да-да, и не переубеждайте, дескать. И вновь секретарь под столом знак подает. А я и в третий раз подтвердила: как сказала, так и есть.

После ужина нам показали фильм. Так уж совпало, что был он о вагановском хореографическом училище. Демонстрировались классы, занятия, рассказывали о смотре хореографических училищ страны. И вдруг голос диктора сообщает: «Больших успехов добивается сын ранее забитого, отсталого башкирского народа Рудольф Нуреев. И дальше – подробный текст о балете Башкирии. Какую гордость я испытала за свою республику – трудно передать! Когда включили свет, Сергей Павлович по центральной дорожке зала направился ко мне с поднятыми руками: сдаюсь, мол, ты права…

Тогда, в Ленинграде, рассказала об этом эпизоде Рудику. Но он уже будто не слышал. Мысли его были далеко…

Подготовила Нина ЖИЛЕНКО.
На снимке: Р. Нуреев в Ленинграде.

Улыбнитесь!

Уникальный случай

Однажды молодой знакомый композитора Пуччини, весьма посредственный музыкант, сказал:

- Ты уже стар, Джакомо. Пожалуй, я напишу траурный марш к твоим похоронам и, чтобы не опоздать, начну завтра же.

- Что ж, пиши, – вздохнул Пуччини. – Боюсь только, что это будет первый случай, когда похороны освистают.

* * *

Я памятник себе...

Джакомо Пуччини был большим оптимистом. Однажды он сломал ногу и попал в больницу. Через пару дней его навестили друзья. Поздоровавшись, Пуччини весело сказал:

- Я так счастлив друзья! Мне уже начали сооружать памятник!

- Не говори чепухи, что за глупые шутки?!

- Я вовсе не шучу - ответил композитор и показал ногу в гипсе.

* * *

"Пусть дураки бесятся"

Прочитав очередную ругательную статью о себе, Пуччини обычно говорил:

- Пусть дураки бесятся! Аплодисменты на моих операх весят куда больше, чем ругань всех критиков!

* * *

Приглашение принято

Как-то раз маэстро обедал у одной дамы, столь экономной, что ему довелось встать из-за стола совершенно голодным. Хозяйка любезно сказала Пуччини:

- Прошу вас как-нибудь еще прийти ко мне отобедать.

- С удовольствием, – ответил Пуччини, – хоть сейчас!

* * *

Приятный момент

Однажды, сидя в театре, Пуччини сказал на ухо своему приятелю:

- Певец, исполняющий главную партию, плох невероятно. Такого ужасного пения я еще не слышал ни разу в жизни!

- Тогда, может быть, лучше отправиться домой? - предложил приятель.

- Что ты, ни в коем случае! Я знаю эту оперу - в третьем акте героиня должна убить его. Я хочу дождаться этого счастливого момента, - мстительно отозвался Пуччини.

* * *

Как надо, так и зовут

В опере Пуччини "Чио-Чио-сан" есть эпизод, в котором Шарплес, обращаясь к ребенку Баттерфляй, спрашивает: "Милый, как зовут тебя?"

В одном из украинских театров немую роль ребенка Чио-Чио-сан исполнял сын костюмерши. И вот однажды шутники из театра пристали к мальчику:

- Послушай, милый, ты уже совсем большой, а поступаешь нехорошо. Раз к тебе дядя обращается с вопросом, ты должен ему ответить. Только нужно сказать это громко, отчетливо, во весь голос, чтобы тебя все услышали.

Юное создание блестяще справилось с новой ролью. Когда на очередном представлении Шарплес задал ему традиционный вопрос, мальчик, набрав побольше воздуха, звонко крикнул: "Алеша!". Успех был феноменальный!

Редактор Н.А. ЖИЛЕНКО. Дизайн, верстка А.И. ПОПЁНОВ. Фото А. ГУТНИК, Р. ШУМНЫЙ, В. АЙШПОР, Н. ЖИЛЕНКО.
Отпечатано в ГУП «Издательство «Башкортостан». Тираж 500 экз. Заказ № 4787 от 05.12.2012 года.